

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

24

Москва • 2023

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*М. М. Алексеева, Н. Е. Ананьева, С. А. Борисов, И. А. Букринская,
Ж. Ж. Варбот, А. Д. Васюков, И. А. Горбушина, П. И. Долгополов,
С. В. Дьяченко, А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, Н. И. Киреев,
С. В. Князев, М. М. Кондратенко, С. А. Мызников, С. Л. Николаев,
Г. П. Пилипенко, Биляна М. Савич, М. Н. Саенко, С. С. Скорвид,
М. Н. Толстая, Дияна М. Црняк, Т. В. Шалаева*

Редколлегия:

*д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. М. М. Алексеева, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. И. И. Исаев, к.ф.н. М. М. Валенцова

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 24. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. – 292 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 24) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXIII Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 7–8 июня 2022 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXIV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 7–8th, 2022 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0493-0
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2023.24 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2023

Содержание

<i>М. Н. Саенко.</i> Праславянские «редуцированные» и гласные <i>и</i> и <i>і</i> в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели.....	5
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном балто-славянском лексическом соответствии ..	40
<i>А. Ф. Журавлёв.</i> Восточнославянские этимологии (3. Укр. диал. <i>батюта</i> . 4. Русск. <i>барахло</i> . 5. Укр. диал. <i>рахо́м'је</i> , белорус. диал. <i>рахамо́цье</i>)	43
<i>П. И. Долгополов, Н. И. Киреев.</i> Праславянское * <i>goľь</i> в зеркале некоторых дериватов	51
<i>М. М. Кондратенко.</i> Заимствования в славянских народных обозначениях времени	76
<i>А. Д. Васюков.</i> Литературный стандарт и диалекты: реакции этнических кашубов на процесс языковой кодификации	88
<i>С. С. Скорвид.</i> О международном проекте по созданию интернет-карты чешских говоров за пределами ЧР.....	101
<i>Н. Е. Ананьева.</i> YouTube как дополнительный источник изучения периферийных и островных польских говоров	122
<i>Диана М. Црняк, Биляна М. Савич.</i> Из синтаксиса глаголов в речи жителей района Слатины близ Баня-Луки	132
<i>М. М. Алексева.</i> Детский лексикон в карпатоукраинских говорах	152
<i>Т. В. Шалаева.</i> О суффиксе существительных <i>-ой-</i> в русских диалектах ...	173
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Среднерусские говоры: сравнительное описание центра и периферии	181
<i>С. А. Мызников.</i> Некоторые аспекты изучения русских говоров Приладожья и Обонежья	194
<i>С. В. Князев, С. В. Дьяченко.</i> Тональный контур общего вопроса в белозерских говорах	205

<i>И. А. Горбушина. Отражение межъязыковых контактов в диалектизмах (на примере рус. диал. бутор) .....</i>	<i>229</i>
<i>Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов. Тексты на украинском и чешском языках из Воеводины (Сербия) .....</i>	<i>236</i>
<i>С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура .....</i>	<i>246</i>

*И. А. Букринская,
О. Е. Кармакова
(Москва)*

Среднерусские говоры: сравнительное описание центра и периферии

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
И с мест они не сойдут...*

Р. Киплинг

В работе дана сравнительно-сопоставительная характеристика двух современных среднерусских говоров, восточного окающего и западного акающего. Их особенности рассматриваются не только на фоне противопоставления западного и восточного русского диалектного континуума, но и с точки зрения оппозиции центральных и периферийных говоров. Восточный идиом, расположенный в Волго-Окском междуречье, принадлежит к ядру зоны центра и имеет ряд черт, совпадающих с литературным языком, в основу которого легли именно говоры указанной территории. Западному идиому свойственны признаки периферийных говоров, а также северо-западной и западной диалектных зон. С исторической точки зрения восточный говор, по-видимому, восходит к ростово-суздальскому диалекту, а западный — к новгородско-псковскому. Материал показывает, что диалектные признаки, которые противопоставляют центральный (восточный) и периферийный (западный) говоры, хорошо сохранились на всех языковых уровнях.

Ключевые слова: западный и восточный среднерусские говоры, центр и периферия русского лингвистического ландшафта, ростово-суздальский диалект, новгородско-псковский диалект.

Среднерусские говоры по сравнению с другими единицами диалектного членения, как нам представляется, меньше изучены, поскольку существует негласное мнение, что они подверглись за последнее время сильному размыванию и поэтому большого интереса для лингвистов не представляют. Однако для понимания процессов как диахронического, так и синхронного характера важно уяснить основные звенья оппозиции «запад — восток», описав современное состояние русского западного и восточного говоров. В свою очередь эта проблема связана с языковыми комплексами центра и периферии. Так, большая часть восточных средне-

русских говоров входит в центральную диалектную зону, а часть западных акающих тяготеет к говорам периферии.

Как известно, зона центра впервые была выделена К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, которые указали явления, свойственные русским центральным и периферийным говорам [Захарова, Орлова 1964]. Напомним, что центральная диалектная зона включает несколько пучков изоглоссы, ядром зоны являются говоры Волго-Клязьминского междуречья и примыкающие к ним костромские, московские и нижегородские. При этом существует пучок изоглоссы, очерчивающий более обширную территорию центральных говоров. Важность и плодотворность противопоставления центра и периферии на материале фонетики подтвердила С. В. Бромлей. По ее мнению, основой указанной оппозиции выступает консонантность, свойственная центральным говорам, и вокальность, характеризующая периферийные [Бромлей 1985]. Изучению говоров центра на лексическом уровне посвящены работы [Букринская, Кармакова 2003; 2014].

Традиционно считается, что архаические явления в меньшей степени сохраняются в центре в отличие от периферии. Но это положение не подходит для русских говоров, поскольку и в тех и в других представлены архаические черты на разных языковых уровнях. При этом надо иметь в виду, что русская зона центра с точки зрения восточнославянского континуума является периферией [см. Калынь 2000]. Говоры центральной диалектной зоны связаны по происхождению с ростово-суздальским диалектом, исследованным в работах [Аванесов 1947; Горшкова 1972], именно он впоследствии составил основу московского идиома, а в дальнейшем литературного языка. Позже С. Л. Николаев, изучавший эти говоры, назвал их «великорусскими говорами литературного типа», которые «имеют акцентологические особенности, резко отличающие их от прочих славянских языков» [Николаев 1994: 43]. Кроме того, в них отсутствуют многие явления общезападного происхождения, присущие восточнославянским языкам [Хабургаев 1980]. Таким образом, реконструкция становления диалектных различий и оппозиция центральных и периферийных говоров выявила противопоставление запада и востока в рамках восточнославянского пространства.

Данная статья написана на основе материалов, собранных в экспедициях последних лет: в 2014 г. обследован говор с. Молоты́цы Муромского района Владимирской области, в 2018–2019 гг. — говор д. Лужнико́во Вышневолоцкого района Тверской области, в каждом из них традиционный говор записан от жителей 30–40-х гг. рождения. Для сопоставле-

ния привлекались данные Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), относящиеся к 50–60-м гг. XX в. Идиом с. Мологицы — восточный среднерусский окающий (неполное оканье), входит в Нижегородскую подгруппу Владимирско-Поволжской группы [Букринская, Кармакова 2017]. Идиом д. Лужникова — западный среднерусский акающий, принадлежит к селигеро-торжковским говорам [Букринская, Кармакова 2021]. Диалектные признаки, противопоставляющие центральный (восточный) и периферийный (западный) говоры, хорошо сохранились на всех языковых уровнях.

Явления, характеризующие восточный говор, совпадают во многом с литературным языком. К ним относятся следующие: губно-зубной характер фонемы /в/, чередующейся с *ф* в слабой позиции; мягкость губных на конце слова: *кро*[ф'], *морко*[ф'], *се*[м']; мягкие долгие шипящие: *о́б*[ш'ш']*ий*, *годо́в*[ш'ш']*ина*; переднеязычная (зубная) пара [л – л']: *мо*[л] *око́*, [л'у] *би́л*; формы *свекровь*, *мать*; различение Д. и Т. падежей существительных мн. ч.; чередование в глагольных основах наст. вр.: *пеку́*, *печёшь*, *печёт*, а также некоторые лексические признаки: *амба́р*, *цеп*, *крони́ва*.

Кроме того, есть черты, которые были свойственны старомосковскому произношению и в современных орфоэпических словарях даются с пометой *устар.* Мы имеем в виду твердость заднебных согласных в основе прилагательных муж. р. ед. ч. И. п.: *ста́рень*[кь']*й*, *ми́лень*[кь']*й*, *хоро́шень*[кь']*й*, а также твердость -с в возвратной частице у глаголов в форме прош. вр.: *возврати́л*[с]а, *верну́ла*[с], *сделала*[с]. Во второй половине XX в. подобное произношение стало принадлежностью строгого стиля или сценической речи, о чем писал Р. И. Аванесов.

У информантов старшего поколения отмечается мягкость губных перед мягкими заднебными: *де́*[ф']*ки*, *ма́*[м']*ки*, *на остано́*[ф']*ки*, в настоящее время такое произношение сохраняется у некоторых носителей литературного языка, по мнению Аванесова, оно «приобрело просторечную окраску» [Аванесов 1972: 126].

Помимо признаков, совпадающих с литературным языком, в говоре с. Мологицы сохранились и архаические черты, восходящие к ростово-суздальскому диалекту. К ним относятся:

1. предударное ёканье, при котором [о] выступает не только на месте *е и *ь, но и на месте *ё (*по се́лу́*, *вёзу́*, *бе́зу́*, *ле́ту́чка*), оно свидетельствует о раннем совпадении *ё и *е в предударном слоге, см. подробнее [Николаев 2014; Дьяченко, Исаев, Тер-Аванесова 2015];

2. наличие местоимения 3 л. мн. ч. *онé* (сосуществует с литературной формой): *онé на войнé убíты, онé там живúт* [ДАРЯ II, карта 68];

3. фонема /e/ в окончаниях притяжательных местоимений *мой, твой, свой* в Т. и П. падежах ед. ч.: *с моём, в моём* и в формах мн. ч. *моё, твоё, своё, моёх, моёми*. Компактный ареал распространения этих форм в целом повторяет конфигурацию ареала ёканья на месте *ё, но является более обширным и плотным [ДАРЯ II, карта 76, 78]. При этом отмечено сосуществование с литературными формами. Заметим, что более последовательно /e/ сохраняется в И. п. мн. ч.: *своё портнiихи были, твоё óкна, моё брáтья*. Вероятно, /e/ (из Ъ) пришло из формы мн. ч. жен. р. (*моѣ*) с аналогическим выравниванием в косвенных падежах при поддержке форм местоименного склонения твердой разновидности: *тѣтъ, с тѣмь, тѣ, тѣхъ, тѣмь, тѣми, в тѣхъ*;

Черты, названные в п. 2 и 3, а также омонимия Т. и П. падежей у прилагательных, местоименных прилагательных и местоимений (об этом см. ниже), представлены и в восточных говорах позднего заселения — нижегородских, ульяновских, о чем свидетельствуют работы диалектологов [Хрестоматия 2009; Мызникова 2020].

4. Старое ударение на окончании у ряда глаголов II спряжения в формах ед. и мн. ч.: *варю́ — вари́шь — вари́м — варя́т; свар[и́щ]а* (каша), *валит́ — свали́шь, дарю́ — дари́шь — дарит́ — даря́т, дои́шь — дои́м — доя́т; морим́ — мори́мся; солю́ — соли́шь — соли́м — соля́т, тащит́ — тащи́м — таща́т; ложа́т, топя́т; посмотре́шь, распи́лим*; об этом акцентологическом архаизме более подробно см. [Дыбо, Замятина, Николаев 1990].

Некоторые из этих глаголов достаточно долго сохраняли ударение на окончании в литературном языке, чему мы находим подтверждение в орфоэпических словарях. Так, формы *до́ит* и *дои́т* остаются акцентными дублетами, т. е. равноправными вариантами до настоящего времени (в ОС даже приводится поговорка: *говоря́т, что кур доя́т*), *мори́т* является нормой, хотя в узусе преобладает, на наш взгляд, вариант, помеченный в словаре как «не рек. мо́рит», имеют пометы *дарит́* — «допуст. устар.»; *солит́* — «допуст. старш.» [БОС]. Форма *тащит́, таща́т* — устар., была нормой в XIX в., например у Пушкина (Озираясь, он спешит; Он потопленное тело В воду за ноги *тащит*) [СЯП 2]. Об акцентной эволюции глаголов II спряжения в истории русского языка см. [Зализняк 2019].

6. Инфинитив с ударением на *-и*: *печи́, беречи́, стеречи́*. По материалам ДАРЯ, в муромских говорах было представлено сосуществование

форм *печь* — *печи́*, *берець* — *беречи́* [ДАРЯ II, карта 101]. В современном говоре старые формы типа *печи́* фиксируются, но крайне редко.

В муромском говоре отмечена характерная черта северо-восточной диалектной зоны — постпозитивная частица. Она согласуется по морфологическому принципу, по есть примеры согласования и по фонетическому принципу: *спіны-ти изломаны*, *пчѣлы-ти вѣвелись*, *у Олиньки-ти*, *в деревне-ти*, *в войну-ту*, *границу-ту*, *на краю-ту*; встретились примеры присоединения частицы *ту* даже к наречиям — *так-ту*, *сейчас-ту*.

В области лексики можно привести такие архаизмы, как композит *дуга-радуга* и наименование ольхи *елѡха*, *елѡх*, которые сохранились в речи представителей старшего поколения. Оба архаизма распространены в пределах максимального ареала центральной диалектной зоны, см. также [ЛАРНГ, индекс материалов к карте 68].

Далее охарактеризуем западный среднерусский говор д. Лужниково. Ему свойственны основные черты периферийного говора: следы губно-губного образования фонемы /в/. а именно произношение [w] в отдельных словах перед лабиализованными гласными: *голо[w]ушки*, *корѡ[w]ушка*, [w]от; отвердение губных на конце слова: *кро[ф]*, *любѡб[ф]*, *се[м]*; твердые долгие шипящие: *му[шш]ина*, *кладби[шш]е*, *прие[жж]али*, *до[шш]*; регрессивная ассимиляция в сочетании *дн* у отдельных информантов при существовании с литературным произношением: *трудоні́*, *до послѣннего*, *онна́*; отмечено / альвеолярное (европейское) у некоторых информантов: [l]ошадѣ́й, на хо[l]оду́, повоні́[l]а; упрощение групп согласных на конце слова: *мос(т)*, *хвос(т)*, *е[с'](ть)*, *обла[с'](ть)*, *жи[с']* (жизнь), формы инфинитива с ударением на основе и упрощением конечного согласного: *принѣ[с']* (принести), *подмѣ[с']* (подмести); мягкость заднеязычных согласных в основе прилагательных муж. р. ед. ч. И. п.: *старенький*, *миленький*, *хорошенький*; наличие форм *свекрѡвка*, *свекрѡвушка*, *матка*; омонимия форм Д. и Т. падежей сущ. во мн. ч.: *по рука́м*, *рука́м дѣлали*, *с людьа́м*, *ота́пливать дрова́м*, *серпа́м жали*, *ножня́м* (ножницами) *стригли́*; отсутствие чередования в глагольных основах наст. вр.: *пекѹ́*, *пекѣшь*, *пекѣт*.

Кроме того, в лужниковском говоре представлены все черты западной и северо-западной диалектных зон:

1. личное местоимение 3 л. мн. ч. *оны́* при сосуществовании с литературной формой [ДАРЯ II, карта 68];

2. формы с основой на -j указательных местоимений: *той*, *этой* (И. п. ед. ч. м. р.), *тая*, *тую* (И. п. и В. п. ед. ч. ж. р.), *тоѣ* (И. п. ед. ч. ср. р.), *тѣе*, *тыѣ* (И. п. мн. ч.) [ДАРЯ II, карта 69, 70, 71, 74];

3. форма личного местоимения ед. ч. м. р. с начальным *-j-*: *йон* [ДАРЯ II, карта 64];

4. окончание *-у* в В. п. личного местоимения 3 л. ед. ч. ж. р.: *яю, ею* [ДАРЯ II, карта 67];

5. употребление деепричастий в функции сказуемого: *дэдкина фотографія оста́вши, свёрстников нет — всё вы́мерши, он там пришё́тцы, холоде́ц был наварі́вши* [ДАРЯ III, ч. 1, карта 1; Малышева, Тер-Аванесова 2020];

6. употребление слова *толока́* ‘коллективная помощь при строительстве печи’ [ДАРЯ III, ч. 1, карта 55].

Говору присущ падежный синкретизм у существительных ж. р. *ā*-склонения, т. е. окончание *-ы/-и* в Р., Д. и П. падежах ед. ч.: *до сестры́, к сестры́, о сестры́*. Эта черта, характеризующая северо-западные говоры, связана с древненовгородским диалектом. Об истории изменения падежного синкретизма в новгородских говорах, вытеснении (к нач. XVIII в.) форм на *-ѣ* формами на *-ы/-и* писала Е. А. Галинская [Галинская 2021]. Единично фиксируются примеры второго полногласия: *верѣх, ко́ром*, в материалах ДАРЯ отмеченные регулярно [ДАРЯ I, карта 91, 92]. Наосновное ударение у глаголов прош. времени ж. р. ед. ч., являющихся по происхождению *l*-причастиями: *бра́ла, да́ла, тка́ла* и др. [Николаев 1995].

Описываемые говоры противопоставляются и на лексическом уровне (см. таблицу). В таблице приведены основные диагностические признаки.

Противопоставление центральных и периферийных территорий наглядно видно на карте употребления наречий со значением ‘очень’: на северо-западе — *горáз*, в центральных говорах — *бо́льно*. Ареал последнего соответствует максимальному пучку изоглосс центральной диалектной зоны. В словарях литературного языка лексема *бо́льно* приводится с пометой *прост*. Если судить по материалам НКРЯ, слово широко употребляется в современной печати и в современной литературе, как правило, фиксируется с частицей *уж* — *уж больно хороша* или в конструкциях с *не* типа *не больно-то хотелось*. Мы считаем, что слово можно считать экспрессивно-разговорным.

Приведенные в таблице лексемы *жítница, жítто, горáз*, отмеченные в говоре д. Лужниково, фиксируются и в новгородских берестяных грамотах [Зализняк 2004].

Как представляется, этот говор сформировался на севернорусской основе, вышневолоцкие и торжковские территории входили в Новгородскую феодальную республику, и, вероятно, лужниковский говор является

Лексические черты

с. Молотицы (центральный, восточный среднерусский)	д. Лужниково (периферийный, западный среднерусский)
<i>амбáр</i> ‘постройка для хранения зерна’; слово <i>жéито</i> не употребляют	<i>жéитница</i> ‘постройка для хранения зерна’; <i>жéито</i> ‘ячмень’
<i>зýбка</i> ‘колыбель, которая подвешивается к потолку’	<i>лýлька</i> ‘колыбель, которая подвешивается к потолку’
<i>кóник</i> ‘лавка в избе, в том числе и при печке’	<i>кáрзинка</i> ‘пристройка к печи в виде небольшой лавочки-ступеньки, которая открывалась и использовалась для хранения’
<i>западнýя</i> ‘дверца, закрывающая ход в подполье’	<i>крýшка</i> ‘дверца, закрывающая ход в подполье’
<i>крест</i> ‘малая укладка снопов’	<i>бáбка</i> ‘малая укладка снопов’
<i>уповод</i> 1. ‘часть рабочего дня до перерыва (в пассивн. запасе); 2. ‘длительный отрезок времени’	<i>упрýжка</i> 1. ‘часть рабочего дня до перерыва’ (в пассивн. запасе); 2. ‘длительный отрезок времени’
<i>пóмочь</i> ‘коллективная помощь в работе’	<i>толокá</i> ‘коллективная помощь при строительстве печи’
<i>дёргать лён</i> ‘убирать лен’	<i>таскáть лён</i> ‘убирать лен’
<i>плеть</i> ‘ботва картофеля’	<i>тíна</i> ‘ботва картофеля’, ‘проросший картофель’
<i>брýква</i> ‘корнеплод с крупным сладковатым корнем светло-желтого цвета’	<i>кáлика</i> ‘брюква, корнеплод с крупным сладковатым корнем светло-желтого цвета’
<i>насéдка</i> ‘курица, которая сидит на яйцах, а потом водит цыплят’	<i>клýша</i> ‘курица, которая сидит на яйцах, а потом водит цыплят’
<i>мяúкать</i> ‘издавать характерные звуки (о кошке)’	<i>вúкать</i> ‘издавать характерные звуки (о кошке)’
<i>снохá</i> ‘жена сына или брата, невестка’	<i>молодúха</i> ‘жена сына, невестка’
<i>вáрежки</i> ‘вязанные рукавицы с одним пальцем’	<i>дýнки, дýнцы</i> ‘вязанные рукавицы с одним пальцем’ (в пассивном запасе)
<i>луг</i> ‘участок, покрытый травянистой растительностью, где пасется скот’	<i>лог</i> ‘низкий участок, покрытый травянистой растительностью, где пасется скот’
<i>елóха, елóх</i> ‘ольха’	<i>óлеха, ольхá</i> ‘ольха’
<i>кропúва</i> ‘крапива’	<i>стрекúша</i> ‘крапива’
<i>бóльно</i> ‘очень’	<i>горáз</i> ‘очень’

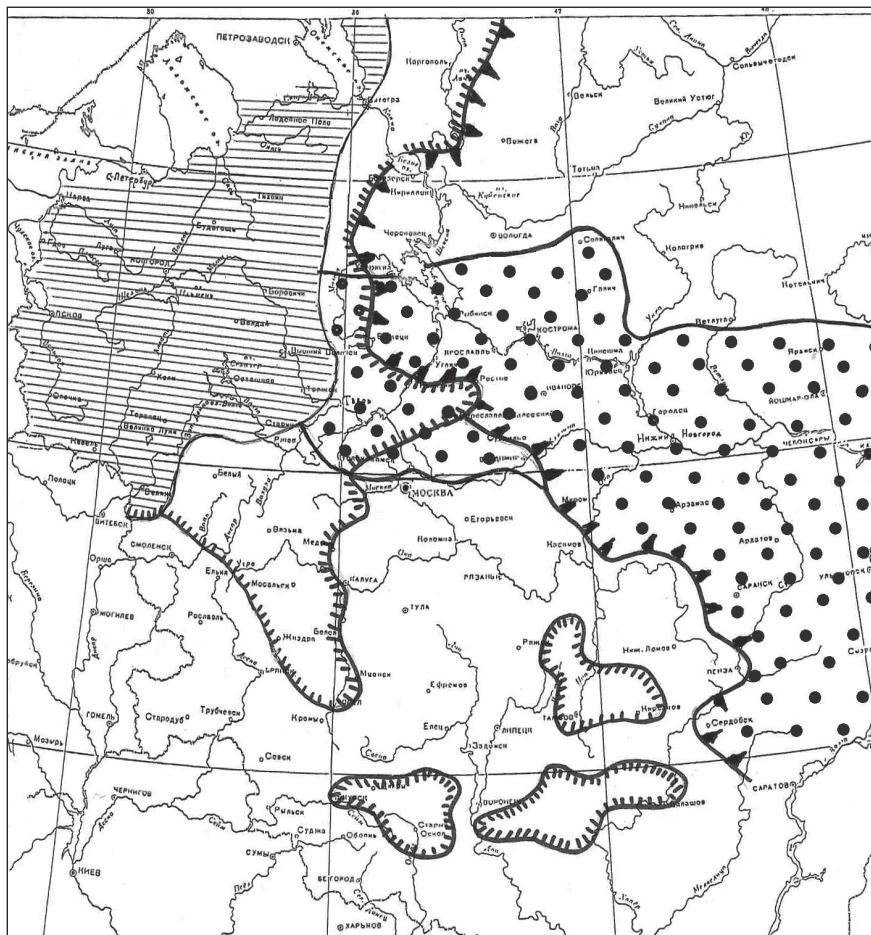
потомком древнего новгородско-псковского диалекта (под которым мы, вслед за А. А. Зализняком, понимаем идиом, включающий древнепсковский диалект и древненовгородское койне — диалект самого Новгорода и прилегающих к нему районов). При этом впоследствии лужниковский говор испытал влияние соседних говоров, так как находился на пересечении торговых путей и миграционных потоков.

На прилагаемой карте показаны в обобщенном виде (без сосуществований и небольших ареалов) некоторые из описанных выше диалектных черт, которые достаточно наглядно демонстрируют противопоставление востока и запада: распространение лексем *упряжка* и *уповод* в значении ‘период работы без перерыва’, падежный синкретизм в склонении сущ. ж. р. *ā-склонения, гласная /e/ в окончаниях мн. ч. притяжательных местоимений.

Надо сказать, что, помимо различительных признаков, рассматриваемые среднерусские говоры имеют общие черты тоже на всех языковых уровнях. Это хорошо известные явления, такие как наличие в системе консонантизма *z* взрывного, *-t* в финале глаголов 3 л. ед. и мн. ч. Но есть и менее тривиальные — мягкость *p* в отдельных словах: *ве[rʲ]х*, *коче[rʲ]* *гá*, *пá[rʲ]ни*, *цé[rʲ]ковь*, *фé[rʲ]ма*.

В обоих говорах наблюдается редукция гласных в заударных слогах и связанные с этим морфологические явления. К ним относится безударное окончание *-ы* в И. и В. падежах у сущ. ср. р. мн. ч.: *брéвны*, *вёдры*, *вёдры*, *о́кны*, *пíсьмы*, безударное окончание *-ут/-ют* в 3 л. мн. ч. глаголов, принадлежащих в литературном языке ко II спр.: *но́сют*, *хóдют*, *лю́бют*. Подобное произношение было обычным в литературном языке до начала XX в., а сейчас расценивается как «устар.» или «прост.» [БОС; Панов 1990].

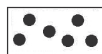
Отмечается в двух названных идиомах и стяжение. При этом в восточном говоре оно широко распространено в формах глаголов и прилагательных, в том числе местоименных: *придúмут* (придумают), *растáскиват* (растаскивает), *пράзновам* (празднуем), *тя́пам* (тяпаем), *кинó на́гло* (наглое), *пальтó майско*, *ты́ква слáдка*, *на́лишники* (наличники) *бéлы*, *котóры жи́ли*. Выпадение интервокального *j* с последующим стяжением гласных характерно для русских северо-восточных и восточных говоров; различные стадии этого процесса показаны на картах [ДАРЯ II, карты 53–56, 87–93]. А в западном говоре стяжение зафиксировано только в формах местоименных прилагательных: *кака́-та*, *кака́*, *котóра зимá*, *котóры*, *такá*, *такí гриб́ы*.

упряжка 'период работы без перерыва'

у́повод 'период работы без перерыва'

гласная /e/ в окончаниях мн. числа местоимений *мой, твой, свой*: *моё, твоё, своё, моём, твоём, своём*

окончание *-ы* в Р., Д. и П. падежах ед. ч. сущ. ж. р. *а̄*-склонения: *у сестры́, к сестры́, о сестры́*

Особенно интересным с точки зрения ареологии представляется омонимия форм Т. и П. падежей у имен прилагательных, местоименных прилагательных и притяжательных местоимений. В западном (вышневолоцком) говоре совпадение происходит в окончании *-им* у местоименных прилагательных: *с другім, в ётим до́ме, в ётим горикé, на какім-то дворé*. В восточном (муромском) говоре в Т. и П. падежах отмечено окончание *-ем* у притяжательных местоимений ед. ч. м. р. и ср. р.: *с моём, в моём, с твоём, в твоём, со своём, в своём*; ареал этого явления, как уже говорилось, совпадает с ареалом предупредительного ёканья [ДАРЯ II, карта 76]. У прилагательных и местоименных прилагательных также отмечается омонимия форм в указанных падежах, но с окончанием *-им/-ым*: *со вторым, во вторым часу, с другим, в другим клеvé, с этим, в ётим болоте, с таким, в таким дому́, в какім-то сараé* (см. подробнее [Букринская, Кармакова 2017]).

Это явление, совпадение Т. и П. падежей, образует протяженный ареал, охватывающий среднерусские говоры: Псковскую группу, селигероторжковские, владимирско-поволжские и говоры позднего заселения, а также часть смоленских говоров, а на севере — часть ярославских. Этот любопытный по своей конфигурации ареал, объединяющий западные и восточные среднерусские говоры, как бы опоясывает общую территорию [ДАРЯ II, карта 46, 76].

Назовем и некоторые общие лексические черты: *двор* ‘помещение, пристроенное к дому, в котором держат скот’; *кле́в* ‘отгороженное место внутри двора, предназначенное для коровы’ (здесь стоит обратить внимание на лексикализованное явление — мену этимологического *x* на [к], ареал этого явления совпадает с максимальным пучком изоглосс центральной диалектной зоны [ДАРЯ I, карта 62]); *о́зимь* ‘всходы посевов, засеваемые осенью’; *кваши́я* ‘деревянная посуда для растворения теста’; *коромы́сл, коромы́сел* ‘деревянное приспособление для переноски ведер с водой’ (по мнению О. Н. Трубачева, форма м. р. является архаической, а ср. р. *коромы́сло* — новацией [Трубачев 2002]); *валёк* ‘орудие для выколачивания белья’; *посидёлки* ‘вечерние собрания девушек, первоначально с работой’; *пла́кать го́лосом* ‘исполнять обрядовый плач’.

Хотя восточный и западный среднерусские говоры имеют общие черты, но более весомыми, релевантными, без сомнения, являются признаки, противопоставляющие их.

Итак, современные среднерусские говоры демонстрируют на всех языковых уровнях оппозицию «центр – периферия», с исторической точ-

ки зрения выступают преемниками старых диалектов: восточный (муромский) идиом — ростово-суздальского, западный (вышневолоцкий) — новгородско-псковского; до настоящего времени они представляют собой звенья противопоставления восточного и западного русского лингвистического ландшафта.

Литература

- Аванесов 1947 — *Аванесов Р. И.* Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ. 1947, № 9. С. 109–158.
- Аванесов 1972 — *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М., 1972.
- БОС — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение нач. XXI в.: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина, Л. Л. Касаткин / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2012.
- Бромлей 1985 — *Бромлей С. В.* Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка М., 1985. С. 8–31.
- Букринская, Кармакова 2003 — *Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Противопоставление центральных и периферийных ареалов в восточнославянской лингвогеографической традиции // Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002). К XIII съезду славистов / отв. ред. А. М. Молдован. М., 2003. С. 3–16.
- Букринская, Кармакова 2014 — *Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Русские говоры центра: из истории изучения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. Диалектология. М., 2014. С. 258–272.
- Букринская, Кармакова 2017 — *Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Ареальный портрет муромских говоров // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология. М., 2017. С. 221–239.
- Букринская, Кармакова 2021 — *Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Диалектная лексика в современных западных среднерусских говорах (ареальный аспект) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 2. М., 2021. С. 191–205.
- Галинская 2021 — *Галинская Е. А.* Некоторые аспекты эволюции новгородского диалекта с конца XVI до середины XX века // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 2. М., 2021. С. 206–218.
- Горшкова 1972 — *Горшкова К. В.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
- ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. Карты. М., 1986.
- ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. Карты. М., 1989.
- ДАРЯ III, ч. 1 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III, ч. 1. Лексика. Карты. Минск. 1997.

- ДАРЯ III, ч. 2 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III, ч. 2. Синтаксис. Лексика. Карты. М., 2004.
- Дьяченко, Исаев, Тер-Аванесова 2015 — *Дьяченко С. В., Исаев И. И., Тер-Аванесова А. В.* Ёканье в муромском говоре деревень Татарово, Нула и Ожигово Муромского района Владимирской обл. [раздел статьи: Отчет об экспедициях отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН в 2014 году] // *Русский язык в научном освещении*. 2015. № 2. С. 217–226.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1990 — *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Зализняк 2019 — *Зализняк А. А.* К истории одного нефонетического изменения // *Славянское и балканское языкознание. Русистика. Индоевропеистика*. Сб. к 64-летию С. Л. Николаева. М., 2019. С. 164–204.
- Захарова, Орлова 1964 — *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка // *Русская диалектология* / отв. ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1964. С. 227–297.
- Калнынь 2000 — *Калнынь Л. Э.* Отношение к признакам вокальность/консонантность в фонетике восточнославянских диалектов // *Восточнославянские изоглоссы 2000*. Вып. 3. М., 2000. С. 10–32.
- ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров. Т. 1. Растительный мир. М.; СПб., 2017.
- Мальшова, Тер-Аванесова 2020 — *Мальшова А. В., Тер-Аванесова А. В.* Селигероторжковский говор деревни Лужниково и ее окрестностей // *Русский язык в научном освещении*. 2020. № 2. С. 227–291.
- Мызникова 2020 — *Мызникова Я. В.* Особенности именного словоизменения в русских говорах Ульяновской области // *Русский язык в научном освещении*. 2020. № 1. С. 198–209.
- Николаев 1994 — *Николаев С. Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // *Вопросы языкознания*. 1994. № 3. С. 23–49.
- Николаев 1995 — *Николаев С. Л.* Ударение формы *l*-причастия женского рода единственного числа от глаголов подвижной акцентной парадигмы от односложных основ наогласный // *Восточнославянские изоглоссы 1995*. М., 1995. С. 12–14.
- Николаев 2014 — *Николаев С. Л.* Полесско-восточнорусские фонетические изоглоссы позднепраславянского происхождения // *Діалекти в синхронії та діакронії: загальнослов'янський контекст*. Київ, 2014. С. 365–370.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. 2003–2022. Доступен по адресу: ruscorpora.ru
- ОС — *Борунова С. М., Воронцова В. Л., Еськова Н. А.* Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983.
- Панов 1990 — *Панов М. В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.
- СЯП — Словарь языка А. С. Пушкина: в 4 т. / отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2000.

- Трубачев 2002 — *Трубачев О. Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. I (VII). М., 2002. С. 5–25.
- Хабургаев 1980 — *Хабургаев Г. А.* Становление русского языка. М., 1980.
- Хрестоматия 2009 — Хрестоматия «Речи родимой бескрайняя даль...». Говоры Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья / под ред. Л. А. Климковой. Арзамас, 2009.

Summary

*Irina Bukrinskaya,
Olga Karmakova*

Central Russian dialects: a comparative description of the center and the periphery

The paper presents a comparative study of two modern Central Russian dialects, the eastern (with okanie) and the Western (with akanie). Their features are considered not only against the background of the opposition of the western and eastern Russian dialect continuum, but also from the point of view of the opposition of central and peripheral dialects. The eastern idiom, located in the Volga-Oka interfluve, belongs to the core of the center zone and has a number of features that coincide with the literary language, which is based on the dialects of the specified territory. The western idiom is characterized by signs of peripheral dialects, as well as northwestern and western dialect zones. From a historical point of view, the eastern dialect tends to the Rostov-Suzdal dialect, and the western dialect tends to the Novgorod-Pskov dialect. The material shows that the dialect features that contrast the central (eastern) and peripheral (western) dialects are well preserved at all language levels.

Keywords: western and eastern Central Russian dialects, the center and periphery of the Russian linguistic landscape, Rostov-Suzdal dialect, Novgorod-Pskov dialect.